

Владимир Рудольфович Соловьев

Разрыв шаблона

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9963017
Владимир Соловьев. Разрыв шаблона: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79372-3

Аннотация

2014 год оказался по-настоящему переломным для всей системы международных отношений. Конфликт на юго-востоке Украины и присоединение к России Крыма запустили цепь событий, исходом которых стала новая холодная война. Ее сторонами, как и прежде, являются Россия и Запад – в первую очередь США. Но почему это произошло? Почему американцы так болезненно отреагировали именно на действия России, а не, например, Китая или исламских фундаменталистов?

По мнению Владимира Соловьева, причина – в религиозном характере этого конфликта, а в роли новой религии сегодня выступает демократия в ее американском прочтении. Когда Россия впервые после Ельцина заговорила о своем независимом пути, о необходимости идеологии, о «русском мире», в сознании новых миссионеров произошел разрыв шаблона. Американская доктрина не подразумевает наличия другого активного игрока на рынке идеологий. И когда он вдруг появляется, начинается новый крестовый поход.

Содержание

Предисловие	5
Демократия как новая религия	9
Что произошло на Украине	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Соловьев

Разрыв шаблона

В коллаже на обложке использованы фотографии В. Соловьева: фотографы Ш. Юлдашев и А. Жабин

В коллаже на обложке использована иллюстрация: Rsinha/Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Соловьев В., 2015

© Озеров И., оформление, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Предисловие

Перед тем как перейти к основной теме этой книги, я хочу дать самый простой ответ на самый простой вопрос.

Будет ли Украина в НАТО?

Отвечаю: нет, не будет.

Хотите, чтобы я объяснил почему?

Объясняю.

Конечно, Украина может делать громкие заявления, проводить опросы населения, голосовать в Раде за закон об отмене внеблокового статуса и разрабатывать шестилетние планы реформ для достижения соответствия критериям НАТО и Евросоюза. Но не надо забывать, что НАТО – сложная бюрократическая организация, которая на деле готова ко всему, кроме войны. Вспомните – во время проведения операции в Ливии войска НАТО столкнулись со страшно могучей, нереально сильной, фантастически обученной и организованной армией Каддафи (здесь мы все вежливо посмеемся). После очень краткого периода боевых действий у военно-воздушных сил НАТО закончились боеприпасы, и они были вынуждены обратиться за помощью к американцам. Так что дальше уже, по большому счету, все зависело от американских складов и от американских военных. Иными словами, эта структура отлично подготовлена к политическим шагам, но отнюдь не к реальным боевым действиям.

Так вот, одна из глав договора НАТО гласит, что в Североатлантический альянс не могут быть приняты страны, у которых имеются локальные конфликты и/или спорные территории. Крым, как мы с вами хорошо понимаем, с точки зрения нынешней украинской власти является спорной территорией. Таким образом, если киевская власть признает Крым российским, то вряд ли это будет такая власть, которая захочет вступать в НАТО. А если не признает и будет продолжать заявлять свои права на полуостров, то вступить в НАТО попросту не сможет – всего лишь потому, что согласовать с большим количеством стран изменение одной из основных формулировок договора вряд ли представляется возможным.

Поэтому Крым помимо всего прочего – это еще и очень мощный сдерживающий фактор. Украина в НАТО может стремиться, может бежать, может топтать ногами, может царапаться когтями, может даже пытаться подмигивать обоими глазами сразу. Результат будет один и тот же. Как говорится в детском стишке: «Но ответил людоед: «Нет!» Хотя это ни в коей мере не мешает американцам напрямую разместить на Украине элементы своей военной инфраструктуры вплоть до баз – без всякого политеса и игр в вежливость со своими европейскими партнерами.

Что же касается Новороссии – вы хотите, чтобы я вам сейчас рассказал о сложных геополитических расчетах, о тонкостях, о разных планах? Ну какие-то планы есть наверняка. Но задайте себе вопрос: может ли государство Украина быть враждебным к России, если в составе этого государства будет находиться ряд областей с независимым федеративным статусом, с пророссийскими настроениями и со стремлением работать с Таможенным Союзом? Или наличие такого мощного федеративного субъекта, обладающего большими полномочиями, невольно и всю Украину будет оттягивать от Евросоюза, заставляя более чем взвешенно относиться к ситуации?

Вы думаете, я так и буду дальше отвечать на все ваши вопросы?

Нет.

Книга совсем не об этом.

То, что вы сейчас прочитали, – это, как говорили в стародавние времена, не сказка, это прическа. Сказка – впереди.

Сегодня в мире каждый второй – политолог. Раньше каждый второй был футбольным экспертом, специалистом по воспитанию детей, врачом. Теперь все стали профессионально разбираться в телевидении и в политике. В телевидении лучше, но о политике в последнее время говорят чаще. Про политику все всё понимают – и что собой представляют наши (и не наши) политики, и на какие деньги они живут, и какие они продажные (или неподкупные), и какие они умные (или глупые – последних обсуждают с особым удовольствием). И как на самом деле легко решить все проблемы мира.

Вранье, вранье и еще раз вранье.

Вранье в каждом слове.

Если бы люди так хорошо разбирались в политике и политиках, тогда и качество как политики, так и политиков было бы совсем иным. И все мы с вами жили бы совсем в другом мире. Разница в том, что сейчас, наблюдая за происходящим в их жизни, люди наивно думают, что они оказывают на это непосредственное влияние. Им так часто объясняют, что все зависит от них, говорят об их важности, призывают выйти на улицы... И вот люди, разгоряченные СМИ, выходят на площадь и начинают кричать: «Кто здесь власть?» И сами себе отвечают: «Мы здесь власть!» И им кажется, что жизнь от этого в момент изменится и они действительно станут властью.

А в это время другие люди, тоже разгоряченные СМИ, выходят на другую площадь и начинают кричать: «Любо!» – или: «Не любо!» И абсолютно уверены, что это они назначают членов правительства, которое потом определит их жизнь к лучшему. Люди не понимают, что они всего лишь участвуют в большом интерактивном театральном действе, поставленном даже не для них. Они лишь играют свою роль.

А что дальше?

Стали властью? Жизнь стала лучше? Конечно, можно говорить о том, что когда-нибудь она все-таки станет лучше. Сидящие в кабинетах ученые заведут умные речи про объективные исторические процессы и станут призывать всех анализировать события исходя именно из них. Сторонники марксизма будут все объяснять классовой борьбой, кто-то – интересами капитала; в какой-то момент все глубокомысленно поднимут палец вверх и станут рассуждать о том, кому выгодно. Ну и кому выгодно?

Кому выгодно то, что происходит на Украине? Кому выгодно то, что случилось с Ираком и Сирией? Что это – мировой еврейский заговор? Антисемиты из века в век поют одну и ту же песню, так что возникает ощущение, что евреи уж точно могущественней марсиан или таинственных пришельцев с альфа Центавра. Даже удивительно, почему при такой мощи их мировой заговор до сих пор не привел к окончательной победе мирового еврейства. Но этот вопрос, как правило, никто себе не задает.

По большому счету, обвинять мировой еврейский заговор – такая же глупость, как ссылаться на таинственные силы, управляющие всем, невидимые и недоказуемые, или на зеленых человечков. Не случайно в одном хорошем анекдоте говорится, что древние сибирские племена не знали о существовании евреев, поэтому все свои несчастья приписывали явлениям природы.

Современные политологи вместо мирового заговора ссылаются на прагматизм финансовых кругов, интересы катарского капитала, прямую финансовую выгоду производителей оружия. Но ни один из этих факторов не может убедительно объяснить феномен ИГИЛ. Или объяснить, почему, если финансисты и капиталисты так все контролируют, в какой-то момент создаваемые на их деньги и с их помощью политические движения выходят из-под контроля и зачастую причиняют своим спонсорам прямой ущерб. Ясно, что традиционный политологический анализ на самом деле бессилен. Анализируя то, что сейчас происходит в мире, с привычных позиций, мы не поймем, кто, зачем и в каких процессах участвует.

Вот смотрите. Летом 2014 года в Сирии был казнен американский журналист Джеймс Фоули. Ему отрезали голову. Сделал это гражданин Британии, проходящий под кличкой Джихад Джон. Совсем недавно этот человек был популярным рэпером, не жаловался на отсутствие денег. Снимал домик стоимостью под миллион фунтов. Какая у него может быть мотивация для того, чтобы заковать лицо балаклавой и отрезать голову другому человеку, достаточно близкому ему по культуре? Ведь нельзя сказать, что сам он получил какое-то иное воспитание.

А посмотрите на тех, кто взрывал башни-близнецы. Они что, были нищие, плохо образованные феллахи? Ничего подобного. Это люди из семей с приличным уровнем достатка. У них и самих были деньги. Они существенное время не нищенствовали в Америке да еще и смогли оплатить не самые дешевые курсы по подготовке пилотов.

Исследование множества биографий смертников показало, что, как правило, люди, совершающие террористические акты по религиозным мотивам, происходят из семей с более высоким образованием и более высоким достатком по сравнению со средним уровнем. То есть ясно, что они не за гуриями отправляются на тот свет. И ясно, что уж меньше всего на свете их волнует то, что их семьям останется 10, 15, 20 или 200 тысяч долларов. У них совсем другая мотивация.

Почему граждане со всего мира отправляются в горячие точки? Чтобы там гибнуть? Как хорошо известно – и это, в частности, показал вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины, – наемники с готовностью воюют за деньги, но совершенно не собираются за деньги умирать. Почему же вчерашние шахтеры, слесари, учителя, сельскохозяйственные рабочие как с одной, так и с другой стороны берут в руки оружие и стреляют друг в друга за, казалось бы, какие-то абсолютно абстрактные вещи. Ну неужели из-за того, на каком языке говорить людям на территории своего государства, стоит идти и друг друга убивать? Наверное, все-таки у них совсем иная, гораздо более глубокая мотивация.

И уж никак не объяснить этого деньгами Ахметова, Януковича, Коломойского, Порошенко. Да, можно себе врать и говорить, что с одной стороны там российские бандиты, а с другой – украинские бандиты. Да бандиты не пойдут умирать! Бандиты ходят грабить. Умирать они не собираются. Бандиты не организывают оборону городов, не выносят на себе обстрелы «Градами» и не борются за то, чтобы были предоставлены гуманитарные коридоры для выхода мирного населения. Бандиты не выступают по телевизору, объявляя: «Меня зовут так-то и так-то, это моя земля, и я буду стоять до конца». Бандиты этим не занимаются. Бандитам это неинтересно.

Да, бывает, что кто-то с той или другой стороны отбирает или угоняет чужую машину, и сразу в социальных сетях раздается хор возмущенных голосов. Омерзительный поступок? Конечно. На войне, к слову, такое часто происходит. Но ведь для того, чтобы угнать машину, воевать идти не обязательно. Мародерства, грабежи, изнасилования случаются на любой войне. Но это отнюдь не причина, по которой люди идут воевать, и уж точно не причина, ради которой люди готовы умирать. Так что же происходит? Почему до сих пор на планете происходят войны? Почему в противовес, казалось бы, простым и понятным политологическим истинам то тут, то там вспыхивают конфликты такого уровня и такого значения, что страшно просыпаться по утрам? Все просто. Дело в религиозном характере всех этих конфликтов.

Но эта простота совсем не та, какой кажется.

Наша проблема в том, что, как только мы слышим термин «религиозный», мы представляем себе традиционные религии, глубокомысленно киваем и говорим: «Ну да, конечно». Вот и сейчас, прочитав выше слова о религиозном характере конфликтов, вы наверняка тут же подумали, что я вам буду рассказывать про, с одной стороны, воинственные экстремистские направления ислама, а с другой – про христианскую цивилизацию.

Вы не угадали.

Не угадали даже близко. Это всего лишь один из аспектов. Но давайте посмотрим на проблему под другим углом. И в первую очередь обратим внимание на действующие принципы государственного устройства. Начнем, например, с такой основополагающей для современного мирового развития страны, которой являются Соединенные Штаты Америки. И посмотрим на те войны, которые ведут Соединенные Штаты, распространяя свой образ жизни, в течение последних хотя бы 30 лет. При этом я призываю вас сразу отказаться от заштампованного взгляда на мир, никого не проклинать, не считать империями зла, а просто спокойно проанализировать факты и слова, зачастую предваряющие эти факты или сказанные сразу после них.

Демократия как новая религия

Для начала – небольшой исторический экскурс.

Начну с серии вопросов, а вы, уважаемые читатели, будете мне на них давать умные ответы.

Скажите-ка мне, пожалуйста, кто у нас в России олицетворяет власть?

После небольшой паузы – правильный ответ: Путин.

Президент Российской Федерации; в настоящий момент – Владимир Владимирович Путин.

А является ли президент Российской Федерации также высшей религиозной властью в стране? Высшим религиозным или моральным авторитетом?

Тут, конечно, могут быть разные ответы, но, немножко подумав и вспомнив, что мы живем в России, все в конце концов придут к одному выводу: «Нет, у нас за это отвечает Патриарх всея Руси».

И я скажу: молодцы!

А теперь следующий вопрос: кто является руководителем церкви в Великобритании?

И вы, мои маленькие друзья, а также их родители, дадите на это умный ответ: «Действующий монарх». И добавите: «Но это же англиканская церковь!»

Ну да, что-то мы припоминаем. Там, кажется, когда-то жил король, который очень-очень любил женщин. Звали его Генрих, и стояла при этом имени какая-то довольно большая цифра. И кажется, этому Генриху в очередной раз не повезло с женитьбой, но Папа Римский ему сказал: «Дружище, хватит уже разводиться!» А Генрих обиделся и сказал: «Ах, так! Тогда у меня будет своя англиканская церковь».

Точно, воскликнете вы. Англия, Генрих VIII, Анна Болейн... Как же, как же. Но в современной Британии – тут же уточните вы – есть проблема с королевской властью. Там же премьер-министр отвечает за все. Значит, власть уже не сосредоточена в одних руках, как было раньше.

Но давайте-ка вспомним начало XIX века, когда Наполеон Бонапарт встретился с Александром I. По большому счету, в то время именно русский царь и возглавлял Православную церковь – после того как еще прапрадед Александра, Петр I, запретил избирать патриархов. Наполеон тогда позавидовал Александру. Сказал: «А вот у меня есть некий Папа Римский».

С тех пор прошло очень много лет. В Россию вернулся институт патриархов, в Англии вообще все стало совсем по-другому: королевский титул остался, по большому счету, замечательным атрибутом монархии, но перестал олицетворять собой власть – она теперь принадлежит премьер-министру. А вот что происходит в Соединенных Штатах Америки?

Бесспорно, мы с вами много раз слышали, что Америка – очень набожная, религиозная страна. Это, кстати, соответствует действительности. Чуть ли не каждый третий дом будет церковью, особенно где-нибудь в южных штатах. По воскресеньям можно с удовольствием наблюдать, как красиво одетая публика направляется в храм, чтобы по окончании службы всей семьей собраться за обеденным столом. Практически в каждой американской семье совместная трапеза начинается с благодарственной молитвы. И никакая политкорректность и толерантность не в состоянии лишить большинство американцев четкого ощущения, что слова «одна нация под Богом» – «one nation under God» – чистая правда. Не случайно на долларе написано «мы в Бога верим». И одновременное наличие большого количества масонских знаков на той же купюре никого не лишает душевного равновесия и не заставляет говорить: «Ну, это не совсем то, что вы думаете...» Нет. Американцы действительно верят в Бога. И, к примеру, мусульманское население Соединенных Штатов до сих пор гораздо менее мно-

гочисленно, чем многим из нас может показаться после просмотра фильмов и знакомства с биографиями известных американских спортсменов, ставших приверженцами ислама.

Но в чьих руках сосредоточена главная сила в Америке?

И вы, конечно, мне скажете: в руках президента.

А кто является главным моральным авторитетом?

И вот тут вы с ужасом отметите, что в глубоко верующей стране США такого единого религиозного авторитета даже близко нет. И вдруг поймете, что на самом деле для подавляющего большинства американцев такой религиозной фигурой во многом является президент.

Почему?

Давайте разбираться.

Выборы президента Соединенных Штатов всегда помимо всего прочего подразумевают вопрос о верованиях кандидата. Как мы помним, перед выборами Барака Обамы общественность долго выясняла, кто он, христианин или мусульманин, и кем был настоятель церкви, в которую он ходил (с этим настоятелем тоже был связан громкий скандал из-за его высказываний). За всю историю Америки ни разу президентом не становился атеист. Мало того, нам с вами известен лишь единственный случай, когда президентом стал католик – это был Джон Кеннеди. Все остальные американские президенты принадлежали к протестантской конфессии. И это тоже очень важно для понимания того, о чем пойдет речь дальше.

Как мы знаем, у протестантов Папы нет. Нет единого духовного центра. Что, кстати, абсолютно соответствует внутреннему американскому устройству – власть там рассредоточена между штатами, и каждый штат, по большому счету, является во многом самостоятельным государством. Не случайно точный перевод названия этой страны, о чем я много раз говорил, – не «Соединенные Штаты Америки», а «Объединенные Государства Америки». Именно объединенные государства, каждое из которых делегировало некоторые свои полномочия центральному органу власти, но при этом сохранило и свою полицию, и выборы своего губернатора, и многие другие функции, скорее присущие в нашем представлении самостоятельному государству.

Именно поэтому фигура президента в Соединенных Штатах Америки в большей степени отражает представления американцев не только и не столько о внутреннем устройстве своей страны (где все очень консервативно и с трудом поддается изменениям, потому что многое зависит от каждого отдельного штата), а к ее проявлению вовне. Все, что относится к внешней сфере, как правило, ложится на плечи президента и его команды, и тут даже близко нет тех ограничений, которые сопутствуют любой попытке внести какие-либо новации во внутреннюю жизнь. Иначе говоря, во внешней политике возможности президента несравнимо шире и руки у него развязаны гораздо больше, чем в вопросах, которые относятся к внутренней политике США.

И давайте теперь мысленно перенесемся лет на 30, а лучше, для чистоты эксперимента, на 40 назад – в Советский Союз.

Что собой тогда – в середине 1970-х – представляла наша страна? Высшим авторитетом и высшей силой являлась Коммунистическая партия Советского Союза. Что и было закреплено в Конституции – самой демократичной в мире, как мы считали. И подтверждалось нашей прессой – как тогда говорили, самой независимой в мире, потому что она не зависела от частного капитала. К слову, не правда ли, забавно, как изменились представления? Все по Оруэллу. Теперь независимой считается пресса, которая не зависит от государства.

Сделаю по этой теме еще одну ремарку – исключительно в качестве умственной задачи для вас, дорогие читатели. Сможете ли вы мне объяснить, почему общественное телевидение (я не говорю сейчас о России) считается независимым? Ведь стоит лишь хорошенько представить себе, что такое общество, и тут же становится невозможно с уверен-

ностью ответить, чем общественное телевидение по своей природе отличается, скажем, от редакторского. Кто принимает решения, касающиеся политики канала? Не может ведь каждый член общества напрямую сказать, что ему нравится, а что нет. Все равно эта функция кому-то делегируется. Собственно говоря, общественное телевидение оказывается гораздо ближе к государственному, чем к частному, – и по тому, как принимаются решения, и по характеру проводимой политики. В конечном итоге все решает некоторый абстрактный назначаемый совет. А кем и как он назначается – механизм гораздо менее прозрачный, чем в случае частных структур.

Поэтому, когда мы говорим о средствах массовой информации, надо понимать, что по-настоящему независимых среди них нет, не было и не будет. Всегда будут СМИ, независимые от чего-либо и очень даже зависимые от чего-либо другого.

Итак, вернемся в 1970-е. Мир четко поделен между двумя центрами силы. С одной стороны – Америка и американский президент. С другой – Советский Союз и генеральный секретарь ЦК КПСС. Вот это были два гигантских монстра, и вот когда наблюдалось настоящее, драматичное столкновение систем, столкновение идеологий, столкновение подходов.

Перед Советским Союзом стояла абсолютно религиозная задача распространения коммунистического учения. Как раз к 1970-м идея несколько выродилась и стала выглядеть более анекдотично, но в 1930 – 1950-е годы это было то, во что по крайней мере аппарат предпочитал свято верить и реализовывать. И вот на фоне этого противостояния выросло целое поколение советских людей – умных, образованных, интеллигентных, – которые были уверены, что Америка – это воплощение всего хорошего, а Советский Союз (точнее, Россия) – квинтэссенция всего плохого, предвосхищая тем самым доктрину Рональда Рейгана об империи зла.

По отношению к Америке у тех, кого потом стали называть диссидентами – а впрочем, пожалуй, что и у большинства советской интеллигенции, – сложилось абсолютно религиозное чувство. Мы искренне считали, что Америка действительно печется о нас. Что Америке мы небезразличны. Америка думает о том, как нам живется – тем, кому не разрешают выезд, тем, кто смеет иметь другую точку зрения.

Нам казалось, что Америка – это такой земной рай, попадание в который означает моментальное решение всех проблем. Переезд в Землю обетованную – я имею в виду Израиль – не давал такого ощущения. А вот уехать в Америку – это было счастье. Жизнь удалась. Поэтому все, кто приезжал из Америки, воспринимались как посланники света. Они и как люди нам казались лучше, чище, правдивей. Чуть ли не ангелы. И все, доходящее до нас с той стороны земного шара, – истина в конечной инстанции, проявление их колоссальной заботы о нас.

Однако на протяжении 1990-х годов все эти прекраснотушные представления стали оборачиваться диким разочарованием. После перестройки американцы поехали в Россию в больших количествах, и вдруг выяснилось, что они еще те жулики. Не все, конечно, – публика приезжала очень разная. Среди них было немало идеалистов, но были и авантюристы, и обманщики, и мошенники, и просто откровенные бандиты.

Но все это было чуть позже. А до того я прекрасно помню открытие «Макдоналдса» на Пушкинской площади. Если кто-то хочет мне сказать, что чувство, которое охватило москвичей, часами стоявших в очереди, чтобы причаститься, извините, бутербродом с котлеткой, не было религиозным, то я с этим человеком буду долго спорить.

Появление «Макдоналдса» в центре Москвы можно было сравнить, наверное, только с прилетом тарелочки с инопланетянами. Людям казалось, что, заходя в это заведение, покупая эту котлету, они уже чуть-чуть приобщаются к чуду. Еще немного, и «Макдоналдс» стал бы мироточить. Видимо, от мироточения его удержали высокие цены, которые по тем временам казались москвичам заоблачными.

Советский Союз исчез. Исчезла религиозная доктрина. И мы вдруг оказались потерянными, утратили смысл существования. Да и опыт реального общения с Америкой вдруг показал, что, кажется, все не так просто. Наши поездки в США и поведение американцев в мире, книги и несоответствие прочитанного увиденному, голливудские фильмы и наше собственное изменившееся сознание вдруг заставили чуть более критично отнестись к догмам образца 1983 года об империи зла и стране добра.

Для того чтобы понять и проанализировать современную политическую, в том числе внешнеполитическую, жизнь, необходимо четко осознавать, что ответ может быть дан только с религиозной точки зрения. И Соединенные Штаты воспринимают себя как супер-религиозная держава, относятся к распространению своих взглядов как к религиозной миссии и осуществляют эту задачу в абсолютном соответствии с законами миссионерской деятельности. Они несут во все уголки планеты свое видение демократии, свои представления – но не свой образ жизни, что принципиально важно, – точно так же, как все молодые религии распространяли свет своего учения. Мотивация одинакова и в том и в другом случае.

Как распространялись все молодые религии? Неужели вы считаете, что, когда на заре христианства миссионеры приходили из Римской империи, гораздо более развитой и технологически продвинутой, чем соседи, в варварские деревушки на далеком севере, их волновали верования варваров или качество их жизни? Разве они начинали с того, что говорили: «А давайте по-другому обрабатывать землю! Давайте по-другому устроим орудия труда! Давайте перестроим военные машины!»? Нет, они говорили совсем другие вещи. У них были другие задачи.

По большому счету, им было глубоко наплевать, как изменится жизнь варваров после того, как те примут христианство. Станут ли они жить лучше? Миссионеров это вообще не волнует. Они же не обещают новообращенным спасение их тел – они говорят о спасении их душ. Лучше стало, хуже – это вообще не тема для обсуждения. Какая разница? Важно, что до прозябающих во тьме невежества варваров было донесено учение.

Что, Крестовые походы ставили своей задачей привнесение западноевропейской культуры на Ближний и Средний Восток? Нет. Меньше всего на свете они хотели бы поделиться – не правда ли? – военными технологиями, меньше всего на свете они хотели бы поделиться тайнами медицины – если таковые вообще имелись, потому что арабская медицина в то время была поразительной. Нет, они шли с огнем и мечом. Они думали, что несут слово Божие, они шли освобождать Гроб Господень. Миссионеру наплевать, что будет с вашими телами, он борется за ваши души. Цель миссионера – не вылечить больных, не решить проблемы нищих, не напоить страждущих, а принести светоч идеи. Миссионер не занимается решением гуманитарных проблем. Это все о другом.

Но почему-то каждый раз, когда люди думают об Америке, им кажется, что она приходит, чтобы принести *american way of life* – пресловутый «американский образ жизни». Однако ни в одной стране, на которую Америка обратила свет факела статуи Свободы, никакой *american way of life* даже близко не утвердился. И поэтому очень забавно сейчас наблюдать за происходящим на Украине.

Понимаю, что слово «забавно» многих может огорчить и покоробить. Мы не привыкли описывать трагедии, происходящие вокруг нас, в подобных терминах. Но речь сейчас не о трагической стороне ситуации, а о комической. То, как украинские политики воспринимают Америку и американскую мечту, напоминает мне наших, российских, политиков, но только 25 лет назад. Тогда мы точно так же с открытыми ртами воспринимали любое слово, вылетающее из уст любого американского официального лица, как истину в конечной инстанции. Вдумайтесь – из Америки на Украину приезжает вице-президент Джо Байден и проводит совещание правительства независимого государства! И это никого не коробит.

Должно быть, сейчас вы начнете меня укорять за то, что я слишком критично говорю о Соединенных Штатах. Вы скажете, что на самом деле все не так, что они хотят нам только всего самого хорошего. Бесспорно. Осталось понять, что означает с их точки зрения это «хорошее». При этом я ни в коем случае не собираюсь преуменьшать значение Америки. Это действительно великая страна. Замечательная. Для жизни очень комфортная. Для человека, живущего в Штатах, мир прекрасен.

Только не надо путать. Римская империя тоже была великолепна – для жителей Римской империи. Но свет, который она несла за пределы своих границ, не обещал никакого рая покоренным народам. Они как раз платили по полной программе за великолепную жизнь граждан Римской империи. И, как вы хорошо помните, мои дорогие друзья, закон в Римской империи был превыше всего. Именно поэтому апостола Петра распяли, а апостолу Павлу усекли главу. Потому что Павел был гражданином Римской империи, а Петр – не был. В Римской империи, как мы знаем, декларировался гуманизм. Но гуманная казнь – через отсечение головы – была только для своих.

Тем, кто сейчас наивно думает, что «американцы *прийдэ*, счастье *прынэсэ*», я советую приглядеться к жизни так называемых ассоциированных территорий. Они ближе всех подошли к воплощению вашей мечты. Вплотную подоברались к той заветной черте, когда еще чуть-чуть – и станешь следующим штатом. Они реализовали все устремления многих наших демократов жить в Соединенных Штатах и быть, правда, пока еще не полноценными гражданами, но хоть какими-то.

Я сейчас перечислю вам названия, а вы постарайтесь вспомнить, что вам известно об этих территориях: Восточное Самоа, Виргинские острова, Гуам, атолл Джонстон, острова Мидуэй, остров Навасса, атолл Пальмира, Пуэрто-Рико, Северные Марианские острова, остров Уэйк... Вы скажете: пустыки какие-то. Кого волнуют эти атоллы, там вообще никого нет. А я вам скажу по секрету, что очень даже волнуют, и хочу с вами вместе на эту тему порассуждать.

Если вы просуммируете общее количество людей, населяющих эти территории, вы получите этак скромно под 4 млн. человек, проживающих в достаточно неясном статусе. Что такое 4 млн. человек? Это больше, чем Крым с Севастополем, где жителей два с небольшим миллиона, это больше, чем Армения, это больше, чем Косово. То есть это, вежливо говоря, вполне себе страна.

Как эти ассоциированные территории оказались у США и в чем вообще двусмысленность ситуации? А я вам напомним, что в конце XIX века была война между Америкой и Испанией. В результате той войны испанские колонии перешли американцам. Но почему же признанные светочи демократии до сих пор не дали свободу этим колониям? Ведь часть территорий стала свободной – например, Филиппины, зона Панамского канала. Почему другим не повезло? Ведь, казалось бы, если американцы действительно продвигают идею равенства, братства и свободы, они в первую очередь должны были позаботиться об островах, которые стали их заморскими территориями. У них было ни много ни мало сто с лишним лет, чтобы привести тамошнюю жизнь в соответствие со своими представлениями.

Согласитесь, ста лет вполне достаточно, чтобы развить институты, воспитать поколения новых людей, побороть коррупцию, создать рабочие места, повысить уровень культуры. То есть достаточно для того, чтобы интегрировать новые территории в собственную страну либо отпустить их, дав им независимость. Но тут началась Вторая мировая война, и ряд этих островов перешел в руки японцев. Когда же их вновь освободили и выгнали оттуда все население, имевшее отношение к японцам или их поддерживавшее, то вдруг стало ясно, что это такие удобные, непотопляемые базы военно-морского флота США, что лучше не морочиться, а придержать их при себе. Плюс – отличная возможность поиграть в политтехнологические игры.

Но разве американцы могут себе позволить роскошь играть в политтехнологические игры? Они на стороне добра, они должны заботиться об этих территориях! Ясно, что там везде буквально райские кущи. Притом эти острова не вошли в состав Соединенных Штатов, а превратились в ассоциированные территории, что означает, что часть государственных функций добровольно отдана ими под управление США. Ну просто люди, которые там живут, сказали: знаете, а вот мы не хотим быть независимыми. Мы хотим быть под Соединенными Штатами, но не гражданами.

Ситуация более чем странная. У жителей этих земель американские паспорта, но при этом они поражены в правах: например, не могут выбирать президента. Ими напрямую управляет конгресс. У Пуэрто-Рико есть собственный губернатор, однако верховная власть все равно принадлежит американскому конгрессу. У них есть Конституция, законодательная, исполнительная, судебная власти, но при этом общие с американцами гражданство, валюта и оборона.

Замечу в скобках, что у многих стран помимо США, которые сейчас критикуют Россию за Крым, есть или были совсем недавно свои заморские владения и ассоциированные территории. Так, Аруба и Кюрасао ассоциированы с Нидерландами; Сен-Мартен (он же Синт-Мартен) поделен между Нидерландами и Францией. Еще одно французское владение – Новая Каледония. Острова Кука и Ниуэ принадлежат Новой Зеландии. Государство Антигуа и Барбуда до 1981 года было ассоциировано с Великобританией. Гренада отказалась от любви с Великобританией в 1974 году, Сент-Люсия, а также Сент-Винсент и Гренадины – в 1979-м, Сент-Китс и Невис – в 1983-м. А наш Татарстан был ассоциирован с Россией с 1994 по 2000 год.

Теперь давайте посмотрим на некоторые цифры.

Северные Марианские острова – население всего лишь около 54 тыс. человек. По доходу населения официальных данных нет, уровень безработицы – 11 %. Микронезия: 106 тыс. человек, доход – 2000 долларов на душу населения, уровень безработицы 22 %. Маршалловы острова: доход на душу населения 1600 долларов, уровень безработицы – каждый третий. Республика Палау – практически нет безработицы, есть президент, нет политических партий, нет вооруженных сил, население 21 тыс. человек. Отлично себя чувствуют.

А вот Пуэрто-Рико, который ближе всех подошел к тому, чтобы стать штатом. Слово «Пуэрто» в переводе с испанского означает порт, «Рико» – богатый. Только он, к сожалению, не такой уж и богатый. Население 3 725 789 человек, площадь 9104 квадратных километра, неплохой ВВП – 70-й в мире, доход на душу населения 19 600 долларов. Правда, это все равно существенно ниже, чем средний доход гражданина США, составляющий около 50 тыс. долларов. Согласно американской статистике, даже самый бедный штат США, Миссисипи, в 2002–2004 годах имел доход 21 580 долларов в год на душу населения, что все равно выше пуэрто-риканских показателей.

Уровень безработицы в Америке на момент сбора данных составлял 6,9 %, а в Пуэрто-Рико – 13,9. Валовый внутренний продукт острова в 2004 году – 17 700 долларов на душу населения. Это колоссальный рост по сравнению с 2002-м (14 412 долларов). Если сравнить с аналогичными цифрами по основной территории США, то начиная с 1952 года ВВП на душу населения в Пуэрто-Рико неизменно составляет примерно треть от среднего американского. Всего треть!

В мае 2006 года в бюджете Пуэрто-Рико образовалась резкая нехватка денежной наличности. Это привело к закрытию местного министерства образования и 42 других правительственных учреждений. 1536 государственных школ были закрыты. 95 762 человека впервые в истории острова столкнулись с частичной остановкой государственного управления. Бюджетный кризис удалось разрешить заключением нового налогового соглашения.

Вообще вся ситуация выглядит изрядным кокетством. Грубо говоря, люди фактически отдали себя американцам, пожертвовав своими правами, а те их все равно не берут к себе. Помню, когда зашла речь об объединении Москвы и Московской области, было сказано: да, но ведь мы тогда должны перенести на Московскую область и все социальные программы, которые предусматриваются для жителей Москвы. Это же справедливо? Справедливо.

А тут говорят: нет, давайте не будем мелочиться, вы же ассоциированные территории, у вас и так все отлично. В 2000 году по распоряжению президента Клинтона была создана специальная комиссия по статусу Пуэрто-Рико. В своем докладе она подтвердила текущий статус и рекомендовала предоставить гражданам острова право на самоопределение. Предлагалось выбрать один из трех вариантов: вхождение в США на правах штата, получение независимости или тот статус, который у них есть сейчас.

В 2012 году был проведен референдум о политическом статусе, который прошел в два этапа. На первом этапе 54 % пуэрториканцев голосуют за изменение политического статуса архипелага, а на втором этапе избирают новое политическое устройство. Идею о превращении Пуэрто-Рико в 51-й штат США поддерживают 65 % голосовавших. 31 % проголосовали за придание архипелагу статуса суверенного ассоциированного государства, и только 4 % – за полную независимость. Правда, некоторые данные разнятся. И теперь пуэрториканцы ждут решения конгресса США, чтобы стать 51-м штатом.

Смотрите, как интересно получается: то, в чем Америка упрекает Россию по поводу Крыма, она тихо и спокойно осуществляет сама. Просто если Крым стал независимым за два-три дня, при этом Россия не воевала с Украиной, то здесь собственную военную добычу, доставшуюся в результате империалистической, как сказали бы в советское время, и немножко колониальной войны между Испанией и США, американцы сто лет пережевывали, не довели до своего уровня жизни, но и не отпустили на свободу, а теперь сказали: а мы еще немножко подождем и, может быть, заглотим.

Получается, что всех тех, кто ждал от Америки благородства, честности, демократичности, отношения ко всем как к братьям и сестрам, она сожрала во время американо-испанской войны. А ведь в Евангелии четко сказано: «По плодам их узнаете их». Иными словами, смотрите на то, что сделано, а не на то, что сказано. Казалось бы, неужели так сложно Пуэрто-Рико дотянуть до уровня Штатов? Но нет, Америка забирает у Пуэрто-Рико возможность себя оборонять, напрямую через конгресс устанавливает с ним связь, выдает жителям паспорта, но запрещает голосовать.

Представьте, если бы мы сказали крымчанам: знаете что, крымчане, давайте вы будете ассоциированной территорией! Мы вам дадим российские паспорта, только вы будете этими квазигражданами. Участвовать в выборах российского президента вы не сможете, а тот, кого вы выберете для себя, на самом деле будет нашей марионеткой. Да, мы вас защитим своей армией, но в ваших основных избирательных правах вы будете поражены. Да и жить вы будете хуже, чем самый бедный российский регион, потому что за это мы ответственности не несем. При этом стандартам бизнеса и всему остальному вы обязаны соответствовать. Получится у вас или нет, не знаем, мы за это тоже отвечать не будем. Мы отвечаем за то, что у нас с вами единая валюта и оборона, а верховную власть будет осуществлять Госдума.

Разве это честно? Это что – демократические институты в действии? Это ответственность? Сомневаюсь. И вот сейчас, как я понимаю, тот же американский конгресс боится проголосовать за присоединение Пуэрто-Рико, потому что им будет нечего потом сказать. Просто одно дело – провозглашать, и совсем другое – брать на себя ответственность за людей, реализовывать то, что провозглашаешь.

Сто лет назад откушенные в результате американо-испанской войны страны так и не дошли до обещанного им счастья. Мало того, их откровенно и нагло используют как непотопляемые базы флота. Оборона – да. Прямое управление, когда надо, – пожалуйста. Но

никаких политических свобод. То есть, как я уже говорил, нарушается основополагающее право гражданина: ты не можешь влиять на ту власть, которая реально управляет твоей страной.

Разве это не классический пример фарисейства? Иными словами, если случится война, ты пойдешь умирать за Соединенные Штаты, но не можешь избирать президента. Даже формально ты ничего не можешь сделать, потому что у тебя нет выборщиков, голоса которых будут считаться при выборах президента.

Но вернемся к миссионерскому настрою Соединенных Штатов. Вероятно, вы захотите со мной поспорить? Ваше право. Только объясните мне, пожалуйста, как вы оцениваете следующие слова уже упомянутого Джо Байдена: *«Меня не интересует, какая у вас культура. Бесчеловечность остается бесчеловечностью, а предрассудки предрассудками»*.

Вы скажете: «А что такого? Джо Байден абсолютно прав». Да, только под предрассудками он в данном случае имеет в виду отношение к гомосексуалистам. Летом 2014 года, выступая в своей резиденции в Военно-морской обсерватории перед гостями, среди которых были послы Великобритании, Швеции, Дании и Исландии, Джо Байден заявил, что защита прав сексуальных меньшинств является отличительной чертой цивилизованных стран и должна стоять выше национальных культур и социальных традиций.

«Вы представляете большинство, – обратился Байден к защитникам прав ЛГБТ, также присутствовавшим на встрече, – а те, другие, – это троглодиты». Разве это не слова миссионера? Когда даже не первое лицо Соединенных Штатов заявляет всем остальным правительствам и народам мира, что они должны будут *«заплатить высокую цену за бесчеловечность»*.

За несколько дней до выступления Байдена аналогичное заявление сделала Сюзан Райс, советник Белого дома по национальной безопасности: *«Правительства стран мира несут ответственность за защиту прав всех своих граждан. На государстве и на каждом из нас лежит обязанность по укреплению толерантности и противодействию волне дискриминации»*.

Ну и что это?

Что это, как не абсолютно религиозный по своей природе посыл? Разве это не миссионерская деятельность?

Конечно, американцы относятся ко всему, что они говорят, как к истине в конечной инстанции. Именно поэтому, проанализировав таким образом выступления, в частности, Барака Обамы, понимаешь, что для Америки – по крайней мере во внешней политике – президент играет роль Папы Римского. Он непогрешим. Каждое его слово – божественное откровение. Поэтому смешно требовать от него каких-то подтверждений сказанного. Ты же не спросишь у Папы Римского: «Подожди, Папа, я что-то не понял – а доказательства?» Какие доказательства? Разве слов Папы недостаточно?

Вот, к примеру, выступает Барак Обама в Таллине осенью 2014 года. И что он говорит? *«Российские войска, которые вошли на Украину, – это не гуманитарная или миротворческая миссия. Там находятся российские боевые части с российским оружием и на российских танках. Это факты, которые можно доказать. Они не подлежат сомнению»*. Но позвольте! Либо доказывайте факты, либо они подлежат сомнению. Одно из двух. Но доказывать никто не собирается. Мало того, когда спрашивают непосредственно представителей Госдепа, они отвечают, что у них нет фактов, подтверждающих заявление президента Соединенных Штатов. Когда задают прямой вопрос, что это за военнослужащие и где они находятся, наблюдатели ОБСЕ отвечают, что через пункты, где они стоят, никто не проходил. Пентагон говорит про 1000 человек, НАТО тоже говорит про 1000 человек – правда, предъявляет снимки, на которых с трудом можно различить девять маленьких квадратиков, неизвестно куда движущихся. Источник в британском правительстве говорит «от четырех

до пяти тысяч», госпожа Мельникова, возглавляющая Союз комитетов солдатских матерей, говорит про 15 тысяч, а если верить некоторым украинским СМИ, то сто тысяч уже только уничтожили и отправили обратно в Россию на кремацию.

Так о чем речь, дорогие друзья? Что на самом деле происходит?

Но что бы ни происходило на самом деле, никто никогда не будет подвергать сомнению слова президента Соединенных Штатов. Он уже дошел до высшей степени религиозного экстаза – и даже не извиняется. И теперь нам всем надо думать, что делать. Мы же не можем допустить, чтобы президент Соединенных Штатов ошибался. То есть здесь придется поступить примерно как с Биг-Беном и английской королевой. Английская королева же всегда приходит вовремя. Поэтому иногда приходится физическим усилием держать стрелку Биг-Бена, чтобы она не сдвинулась на роковое деление. Если королева должна выйти в пять, то пусть минута с 4.59 до 5.00 продлится хоть три часа, но Ее величество будет ровно в пять.

В той же таллинской речи Обама заявил, что *«в XXI веке не к лицу великой России возвращаться в царские времена, чтобы требовать назад земли, утраченные в XIX веке»*. Я все думал: откуда он это взял, что он имеет в виду? Потому что единственные территории, которые Россия в XIX веке потеряла – притом не то чтобы потеряла, а просто продала Соединенным Штатам Америки, – это Форт-Росс в Калифорнии и Аляска. Так что же, нам, чтобы доказать справедливость слов Барака Обамы, придется что-то делать с Аляской? Неужели президент Соединенных Штатов пророчески считает, что Аляска скоро будет называться Айс-Крым? (Злая шутка, родившаяся вскоре после воссоединения Крыма с Россией.) Однако потом я понял, о чем речь.

Дело в том, что, судя по всему, Барак Обама воспитывался, в частности, на классическом американском фильме «Атака легкой кавалерии», посвященном некоторым событиям Крымской войны, – или же на его английском ремейке, снятом 30 лет спустя. Как мы с вами помним, в XIX веке Россия потерпела во время Крымской войны унижающее поражение. Должно быть, Обама, не зная реальной истории, решил, что в результате мирного договора, подписанного после этой войны, Россия потеряла Крым, поэтому искренне считает, что все, что происходит сейчас, – это как раз реванш за XIX век. Я думаю, это единственное объяснение.

Но пойдем дальше. В интервью журналу «Экономист» Барак Обама насчитал среднюю продолжительность жизни в России 60 лет вместо 64–65. Что ж, придется меньше жить. Кроме того, Обама заверил всех, что Россия – это не та страна, куда едут мигранты. Ну, я уж не говорю о том, что с начала 2014 года в Россию переехали около миллиона украинцев, но и до этого любой человек, хотя бы изредка бывавший в нашей стране, мог бы обратить внимание, что уж кого-кого, а мигрантов здесь море. Я понимаю, что Обама не обязан пользоваться данными, которые предоставляет профильная организация ООН, но если бы он не поленился с ними ознакомиться, то заметил бы, что даже в этих регулярно издаваемых бюллетенях Россия обозначена как вторая страна в мире после Соединенных Штатов по количеству мигрантов. Ну и, конечно, гениальная фраза американского президента, что Россия не производит ничего, заставила отреагировать – хотя и несколько на другую тему – Дмитрия Олеговича Рогозина, предложившего американским космонавтам в следующий раз добираться до Международной космической станции на батуте. Поскольку, как ни крути, но кое-что Россия уж точно производит.

Однако все делают вид, что президент Соединенных Штатов всегда прав, потому что он не может быть не прав – иначе придется его слова доказывать. Не будем лишним раз вспоминать о придуманном референдуме на территории бывшей Югославии – на подобные оговорки просто перестали обращать внимание. Все это не играет никакой роли. Потому что, как верно заметил когда-то Виктор Шендерович, носорог весит две тонны, быстро бежит и плохо видит – но это уже проблема не носорога, а того, кто у него на пути.

Именно поэтому смешно считать, что с Америкой можно договориться, повлиять какими-то резонами, действовать силой экономического убеждения, вопросами выгоды, капитала – нет. Америка распространяет свои убеждения, исходя из абсолютно религиозного чувства.

А теперь давайте задумаемся. Почему Америка так болезненно отреагировала на Россию, а не на Китай?

Если исходить из прагматических соображений, то, казалось бы, портить торговые отношения с Россией довольно бессмысленно. Ведь главная угроза исходит отнюдь не от России, а от Китая. Самый потенциально большой рынок – это рынок Китая с его гигантским населением. Природные ресурсы – у Китая их тоже множество. В отличие от России, Китай до сих пор – страна, управляемая коммунистической партией, с коммунистической идеологией, где даже близко нет никакого уважения к правам политических и иных меньшинств, как их понимают Соединенные Штаты Америки. И уже имеется опыт введения санкций против Китая, когда с первыми ростками уличной демократии китайские военные обошлись очень просто, раздавив танками недовольных на площади Тяньаньмэнь. Только почему-то после этих санкций Китай оказался гораздо более экономически и индустриально мощным, чем до них.

Так почему не Китай? Ответ на этот вопрос тривиален. Потому что Китай не представляет идеологической угрозы. Потому что, в отличие от России, Китай совершенно не настроен на экспансию своих воззрений. Да, у Китая есть территориальные претензии и споры – в частности, с Японией по ряду островов. Но при этом он не заинтересован в том, чтобы его воззрения как таковые были представлены где-то еще, кроме китайского мира. Да и само понятие «китайский мир» очень ограничено. Даже те люди, которые уезжают из Китая работать в другие страны, норовят, накопив денег на чужбине, закончить свой жизненный путь у себя на родине. При этом китайцы, несмотря на дикое количество Чайна-таунов по всему свету, не ставят себе задачу обязательно получить гражданство страны проживания, как и не ставят задачу решать какие-то вопросы в интересах государства Китай. Да, они откровенно лоббируют интересы собственного бизнеса, но, если приглядеться, можно заметить, что их политическая активность более чем ограничена. Иными словами, личное счастье для большинства членов китайских диаспор – это не ассимилироваться в той стране, где ты находишься, а вернуться домой.

Поэтому, как ни странно, китайцы, присутствуя повсюду, представляют собой в достаточной степени внешний элемент. Ощущение, что районы их компактного проживания – это какие-то инопланетные базы, обитатели которых скорее изучают, нежели реально меняют жизнь стран, в которых находятся. Они как будто в любой момент могут собраться и улететь к себе на родину. Даже имеющаяся среди них преступность в основном концентрируется внутри китайского сообщества и практически не направлена во внешний мир. Короче говоря, мы видим совершенно самодостаточную культуру. И действительно, история показывает нам, что на протяжении десятилетий Китай и вправду не осуществлял какой-то особой экспансии.

Россия же, казалось бы, уже полностью уничтоженная, пережившая первый период распада в 1917 году и второй – в 1991 году, не должна была представлять собой какой-либо геополитической угрозы. Но на рубеже XX и XXI веков она совершенно неожиданно посадила на энергетическую иглу Европу – при том что Китай ничего подобного не сделал. Те производства, которые сейчас есть в Китае, с тем же успехом могут быть переведены куда угодно – хоть в Таиланд, хоть во Вьетнам, хоть в Мексику (кстати, часть производств в свое время переехала в Китай из этих же регионов), – суть от этого не изменится. Россия же ведет себя абсолютно иначе.

Обратите внимание, что обострение процесса «демократизации» России началось на фоне возрождения российского самосознания, когда вдруг Россия впервые после времен Ельцина заговорила о своем независимом пути, о необходимости идеологии. Разговор, который был немыслим еще во времена первого срока Путина и президентства Медведева.

Россия вдруг стала говорить о себе как о стране, отвечающей за русский мир. И вдруг понятие «русский мир» оказалось не тождественным собственно России, а расширенным. Если угодно, в сознании американцев оно переплелось с понятием «Таможенный Союз». Тут-то и раздались истерические вопли о том, что Российская империя возрождается. А возрождение Российской империи для Америки означает столкновение религиозных чувств, религиозных доктрин. Потому что американская доктрина не подразумевает наличия другого активного игрока на этом рынке. И когда он появляется, непонятно, что с ним делать.

Зададим себе вопрос: а почему же тогда исламский фундаментализм не воспринимается американцами с такой же степенью угрозы, как российское возрождение? Да просто потому, что понятийный аппарат исламского религиозного экстремизма абсолютно противоположен понятийному аппарату американской философии. Исламисты не оперируют понятиями демократии или свободы личности. Об этом речь вообще не идет. Таким образом, отсутствует борьба за одни и те же мозги, за одни и те же умы. А вот Россия противостоит США именно на той поляне, которую американцы считают стопроцентно своей.

Россия говорит о демократии. Россия говорит о чувстве гордости. Россия говорит о сути человека. Россия говорит о международном праве и имеет наглость (в понимании Америки) вторгаться в политическое устройство мира. Все-таки ни одна из стран или политических движений исламского фундаментализма не является субъектом, если угодно, независимой международной политики. Тот же ИГИЛ – это (пока) квазигосударство. Когда же в какой-либо стране вдруг побеждают религиозные экстремисты, она становится страной-изгоем – и кто к ней будет прислушиваться? Такая страна не является членом Совета Безопасности ООН, она не сможет выступить, например, с осуждением чего-либо так, чтобы другие страны восприняли это как сигнал. Ну посмеются, как смеялись во время выступления несчастного Каддафи. Покрутят пальцами у виска, махнут рукой: «Да ладно, кто слушает этих клоунов?»

Здесь же ситуация принципиально иная. Россия, по мнению Америки, имеет наглость посягать на основу основ, вторгается на территорию американских религиозных постулатов. Туда не лезет Китай, туда не лезут исламисты. И ладно бы просто вторгалась и что-то говорила – само по себе это не представляло бы никакой угрозы. Но когда к этим разговорам начинают прислушиваться третьи страны и Россия демонстрирует свою мощь в проведении собственной политики, это уже тревожит.

Вот это чувство тревоги, которое зародилось с появлением идеи Таможенного Союза, не могло не перерасти в панику по мере того, как идея воплощалась в жизнь. В частности, абсолютно паническая реакция наблюдалась у госпожи Клинтон, которая говорила: «Мы делаем все возможное, чтобы Таможенный Союз не состоялся». Именно поэтому, в частности, начались и события на Украине. Задача была – разорвать Таможенный Союз, который воспринимается со страхом. Ведь это, по сути, новая модель объединения – объединения на принципах, которые в мире еще не были реализованы. Которая, если угодно, противостоит существующим, а значит, опасна – так как может состояться.

А ведь может существовать только один рай. Сама идея, что рай может быть у каждого, конечно, замечательная, но тогда возникает вопрос: а чья же доктрина более привлекательна? Что предлагает каждый? О чем идет речь?

Кроме того, большая проблема, с которой столкнулись американцы – почему им и понадобилось именно сейчас обострять ситуацию, – состоит в том, что никто из китайских или европейских лидеров не попытался одновременно стать еще и лидером духовным. Никому

даже в голову не придет идея относиться, скажем, к председателю Китайской Народной Республики как к человеку, статья которого в «Нью-Йорк таймс» или выступление на Мюнхенской конференции будет восприниматься как нечто, что европейцы будут потом долго обсуждать, приговаривая: «Эх, нам бы такого президента!»

Ни в коей мере не идеализируя и не демонизируя фигуру Путина, не могу не отметить, что, конечно, у американцев это не могло не вызвать глубочайшей озабоченности. Потому что изменился базовый подход – с кем они говорят и о чем. Подождите, как так – есть не только наш Папа Римский? То есть кто-то смеет публично, на нашей поляне, выходить и говорить: «Господа, а вы вообще кто такие? С чего вы решили, что имеете право всем указывать?»

Есть известный анекдот, правда, не напрямую относящийся к ситуации. Папа Римский выходит погулять в замечательный ватиканский садик, наслаждается ароматом роз. И вдруг видит, что в уголке под кустом сидит какой-то панк и курит марихуану. «Сын мой, – говорит Папа Римский, – здесь нельзя курить». На что панк поднимает глаза и лениво отвечает: «Да пошел ты...» Папа Римский в совершенном шоке и ярости восклицает: «Сын мой, да как ты смеешь? Ты говоришь это мне? Понтифику? Держателю ключей от Царства Небесного? Тому, к слову которого прислушиваются миллиарды людей по всему миру? Ты говоришь это мне, хранителю великой традиции? Ты говоришь это мне?! Да сам ты пошел!..»

То есть вдруг появляется человек, который абсолютно спокойно спрашивает американцев: «Подождите, а кто вы такие, чтобы указывать? Посмотрите на себя! Вы сами-то вообще во что верите?» Причем это отнюдь не курящий марихуану панк, а лидер огромной страны. Мало того, этот человек смеет обращать внимание Америки (а вместе с ней и всего мира) на то, на что Америка давно уже не хочет обращать внимания – например, на традиционалистские ценности или на колоссальную лживость внешней политики США по сравнению с внутренней.

Вспомним процитированную фразу Байдена о троглодитах и о том, что это недемократично – нарушать права геев. Но не мешало бы Байдену ознакомиться с законодательством собственной страны и обратить внимание на то, что в законодательстве некоторых штатов до сих пор прописано очень серьезное наказание за гомосексуализм, так что можно считать, что права геев там колоссально поражены. Гораздо больше, чем, скажем, приписывается России и многим другим странам. Но Байден не может указать губернатору или населению штата: «Возьмите и измените ваш закон». Поэтому он с радостью будет грозить всем странам мира, но когда речь заходит о собственной стране и собственном народе, он и близко не посмеет проявить такой же смелости, резкости или наглости.

Россия пошла наперекор сложившемуся мейнстриму. Если угодно, американцы сейчас попросту не могут не воевать с Россией на идеологическом фронте. Для них то, что происходит, сравнимо с историей Мартина Лютера, который вдруг, глядя на мощное здание католической церкви, воскликнул: «Минуточку! А мы книгу-то читали? Мы вообще чем тут занимаемся? Давайте-ка вернемся к первоисточнику!»

Путин говорит, по сути, то же самое. «Минуточку! Мы тут все, конечно, за демократию. Но давайте-ка вернемся к первоисточнику! Демократия – это вообще о чем? Вы тут все о чем сейчас разговариваете?» И реакция отторжения, которую выказывает Америка, абсолютно сравнима с реакцией руководства католической церкви на наглость какого-то реформатора.

Я ни в коей мере не хочу сравнивать прибитые к воротам храма тезисы Мартина Лютера с речами Путина в Мюнхене или статьей в «Нью-Йорк таймс». Но все же давайте отметим, что весь казус вокруг Крыма – это же самый страшный вопрос для любого юриста-международника или специалиста в вопросах демократии. Конечно, Госдеп давно выработал гениальную формулировку, которую озвучивает устами современной группы «АББА» – госпожи Псаки и госпожи Харф. Эти две дамы говорят вещи, быстро ставшие в нашей

стране, пожалуй, более популярными, чем афоризмы Задорнова и монологи Жванецкого. Ну, допустим: «Все, что делает Россия, это эскалация напряжения, все, что делаем мы, – есть благо». К этому, в принципе, сводится любое заявление Госдепа.

К примеру, как понять, что во время боевых действий на Юго-Востоке Украины любые военные учения, которые Россия проводит на своей территории, – это фактор дестабилизации, а учения сил НАТО на территории Украины с украинскими военнослужащими таким фактором дестабилизации не являются, потому что ими руководят США? Мне это напоминает цитату, которую я хорошо помню с детства: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Понимаю – глубокое доказательство, мудрое. Хочется сказать Госдепу: что ж вы сразу не уточнили, что у вас тут партсобрание? Мы бы тогда не лезли в калашный ряд.

Но Россия спрашивает: «Постойте, вы же, когда уничтожали Югославию, тихо и спокойно, без всякого референдума, взяли и раздербанили страну. И вы сказали, что так делать можно. А сейчас? Демократия – это разве не волеизъявление большинства? Так если население Крыма в соответствии с демократическими процедурами проводит голосование и большинством голосов принимает решение выйти из состава Украины – в соответствии с положением о праве наций на самоопределение, которое записано в Уставе ООН и которое не менее значимо, чем положение о нерушимости границ, – то почему же вы против демократического волеизъявления народа? К тому же очевидно, что положение о нерушимости границ вы уже по полной программе растоптали. После небезызвестного Хельсинкского пакта уж что-то, а европейские границы менялись постоянно. Так, господа, из-за чего волнуемся? Вы тогда сразу скажите, чтобы было понятно. Вы что, против демократии?»

И тут сразу начинается истерика. Особенно когда неприятные люди – как выяснилось, очень неплохо говорящие по-английски, – вежливо вспоминают, каким образом американская сторона объясняла все про Косово, и приводят те же самые тезисы. Но их тут же одергивают: «Нет-нет, этого делать нельзя». Вопрос: «Почему?» Ответ: «Ну потому, что там это делали мы, а здесь это делаете вы».

Но россияне отказываются это понимать. «Минуточку, – говорят они. – Демократия – это власть народа? Народа. Вот у нас, например, президента выбирает напрямую народ. А у вас нет. У вас возможен казус, когда большинство населения Соединенных Штатов голосует за одного кандидата, а побеждает другой». Напомню, что такая ситуация, в частности, произошла во время президентской кампании Джорджа Буша-младшего против Ала Гора – большинство голосов избирателей было за Гора, но выборщики проголосовали за Буша. Я уж не буду упоминать о «случайном совпадении» – брат Буша был тогда губернатором Флориды и, по слухам, именно он обеспечил эту победу.

Можете себе представить, как бы повели себя Соединенные Штаты Америки и как «быстро» они признали бы подобные выборы, если бы они проходили в какой-нибудь другой стране? Но в данном случае оказалось, что проблем нет.

Россияне задают вопрос в лоб: «У нас выбирают президента напрямую. Что вам не нравится в нашей демократии?»

А в нашей демократии американцам не нравится главное – базовые постулаты.

Ведь что такое демократия? Если вдуматься, оказывается, что сейчас этим словом обозначается просто непонятно что. Американцы отстаивают некую абстрактную демократию, но понять, в чем ее суть, невозможно. На каких принципах она базируется? Христианских? Ну, начнем с того, что о христианстве и демократии надо еще писать отдельную работу, доказывая, насколько эти два подхода совместимы – что, кстати, относится и к нашей демократии. Но вопрос-то – в ценностях. Как может президент, который говорит, что он христианин, поддерживать, например, права геев? Это же очевидное противоречие. Тут уж или одно, или другое. Я ничего не имею против толерантности, но в таком случае какой же ты христианин,

если в своей деятельности опираешься на принципы, противоречащие твоим человеческим взглядам? Тогда ты фарисей. То есть лицемер. Как тебе доверять?

Может быть, американская демократия – это свобода прессы? Но мы с вами хорошо знаем, что даже американскую прессу назвать свободной можно только с очень большой натяжкой. Стоит послушать CNN, как становится ясно, что это крайне специфическая свобода. Попробуй только американская пресса высказать все, что она думает, допустим, во время войны в Заливе – несколько человек из-за своих заявлений просто конкретно вылетели бы с работы. А за интервью с одним из высокопоставленных армейских чинов, опубликованное в журнале «Роллинг Стоун», как вы помните, со своего места полетел и сам высокопоставленный чин, давший нелицеприятную оценку деятельности Обамы на посту главнокомандующего вооруженными силами США.

Все это напоминает мне рассуждения о российской прессе 1990-х годов, которая была колоссально свободной. Правда ли это? Абсолютная. Нужно было только выполнить одно условие. Пресса была абсолютно свободной, если она была антикоммунистическая. Вот в этом случае она себя чувствовала совершенно независимо. Но если, не дай бог, она была прокоммунистической, ее ждала судьба газеты «Завтра». Можно было называть ее красно-коричневой, травить, издеваться и в конце концов закрыть. Я не поднимаю сейчас вопрос о симпатиях или антипатиях к Александру Проханову, просто констатирую. Те средства массовой информации, которые были неуютны, – уничтожались.

Свобода – это вообще неудобная категория. События в американском Фергюсоне осенью 2014 года показали, что можно абсолютно свободно и демократично остановить действительно очень опасно выглядящего – но безоружного – чернокожего юношу и произвести в него шесть выстрелов, из которых два в голову, для того чтобы его задержать. Вообще-то в любой другой стране мира это называлось бы полицейским беспределом. Хочешь задержать правонарушителя – ну выстрели ему в ноги! Или что – ты промахнулся? Высоко прицелился? Задрался ствол? После этого начались выступления активной части населения, во время которых и журналистам досталось, и Национальную гвардию подтянули, и задержали 80-летнюю активистку, прошедшую в свое время и нацистские концлагеря.

Давайте спроецируем эту ситуацию на Россию. Да уже все бы бились в истерику и кричали, как у нас тут все недемократично. Потому что здесь сошлись базовые принципы демократического общества: свобода собраний, свобода волеизъявления, положительное отношение к прессе и свобода прессы. И где это все? Выяснилось, что в Америке, которая с готовностью объясняет всем, как себя вести, и говорит, что нельзя использовать войска против своего народа, когда надо, ни минуты не сомневаясь, задействуют протоколы и начинают работать самые жесткие методы подавления. Януковичу обещали Гаагский трибунал за гораздо меньшее. А в Соединенных Штатах Америки никто никому никакого Гаагского трибунала не обещает. Потому что им можно, а другим нельзя. Риму можно. Варварам – нельзя. Все, что делает Рим, – верно; все, что делает римский император, – свято.

Но тут Москва удивленно поднимает брови и произносит: «Стоп, вообще-то Третий Рим – это мы». И действительно – разве наш подход не похож? И разве чувства нашего народа к руководителю государства зачастую не близки к религиозному экстазу? Дай людям волю, они будут рисовать иконы каждого действующего президента и на них молиться. И хорошо, что у нашего руководства, кажется, есть и самоирония, и адекватное восприятие действительности, чтобы остановить эту генетически обусловленную сладострастную волну чинопочитания.

Американцы не могут смириться с тем, что появился еще кто-то, кто имеет наглость напоминать им о демократических ценностях, как Мартин Лютер напомнил католической церкви о ценностях религиозных. А Россия все не унимается. «Подождите, – говорим мы, – давайте определимся, что такое демократические ценности и как они воплощаются. Давайте

остановимся и подумаем, есть ли у народа право или нет права, может ли народ самоопределяться или нет, уважаем мы государство или не уважаем, уважаем ли мы волю народа, которая, в частности, выражается в том, что народ себе выбирает того или иного правителя. Или мы считаем, что можно прийти и сказать: «А нам этот человек не нужен, ну его на фиг».

Когда Владимир Путин тихо и спокойно спрашивает: «Минуточку, граждане. Посмотрите, пожалуйста, внимательно вокруг себя. Чего вы добились?» – наступает буквально паралич сознания. Ну как так – Папа же должен быть непогрешим! И если наш демократический Папа сказал, что у Ирака есть оружие массового поражения, то значит, это оружие надо найти. А тот факт, что его так и не нашли, – замолчать. Никто же даже не извинился. Действительно, подумаешь, большое дело – вторглись по абсолютно ложному поводу, повесили старика, уничтожили государство Ирак. За что тут извиняться?

Протащили в Совбезе ООН решение по Ливии. И здесь, конечно, большой минус нашей дипломатии, что мы не наложили вето на это решение. Потому что доверились. Подумали, что действительно все ограничится бесполетной зоной. А кому доверяли-то?! Ошибочка вышла. Что получили взамен? Еще одного несчастного старика, которого перед смертью долго пытали и мучили. А вскоре после этого не менее мучительную смерть принял посол Соединенных Штатов Америки.

Но где те самые демократические силы, якобы ради которых был свергнут режим в Ливии? Ради которых предали в Египте Мубарака, бывшего союзником на протяжении десятилетий? Где те демократические силы, ради которых стали поддерживать войну в Сирии против Башара Асада? Куда они все делись? В Египте они оказались «Братьями-мусульманами», которых впоследствии, несмотря на истеричные протесты американцев, египетская армия просто насильственно выкинула из президентского дворца. В Ливии – ну посмотрите, что стало с американским посольством в Ливии. Сейчас там в бассейне красиво купаются террористы. А ведь говорили, в том числе и наши эксперты: «Не вмешивайтесь! Полковник Каддафи, нравится он вам или нет, воюет у себя с «Аль-Каидой»! Вы же тем самым поддерживаете «Аль-Каиду»!» Сейчас «Аль-Каида» приходит к власти и первое, что делает, – убивает американцев. Сирийская оппозиция? Ну неужели Обама забыл, как Путин говорил ему: «Не надо, не надо воевать с алавитами. Не надо скидывать Асада, нравится он вам или нет. Если вы создадите политический вакуум, придут такие экстремисты, что нынешние деятели вам покажутся просто мультяшками». Это, разумеется, не точная цитата, хотя думаю, что смысл я передал однозначно.

И что, кто-то прислушался? От всех предупреждений американцы только отмахнулись: «Да ладно, прекратите, и так все понятно». К счастью, тогда чисто физическая невозможность высадить контингент в Сирии остановила Обаму от интервенции. Потому что политически необходимо было как раз уводить из того региона войска. Ну хорошо, вооружили оппозицию. И что получили? Отрезанные головы американских граждан – причем отрезанные частью той самой оппозиции, которая вошла в ИГИЛ и которая может сказать американцам спасибо за обучение и вооружение.

Ну так демократические силы-то где? Ради чего американцы все это делали? А главное, что неприятно, – Путин-то оказался прав. Он же говорил, что так будет. Сейчас все делают вид, что никаких предупреждений не было – потому что признать правоту Путина ну никак нельзя, это воспринимается Обамой как личное оскорбление. Ведь очевидно, к сожалению, что Обама испытывает к Путину уже отнюдь не политическое чувство – а колоссальную личную злобу и неприязнь.

Но хуже всего то, что Путин еще и говорит: «Подождите, граждане, а в Украине-то вы что делаете? Вы что, считаете, что это демократия? Это же нацисты. Вы поддерживаете нацистов!» Самое страшное, что может быть для Америки, – это если Путин опять окажется прав.

Что произошло на Украине

Зададим себе простой вопрос. Что произошло на Украине? За что боролись люди на майдане? За свободу, за независимость от проклятого наследия советского времени? За святое и светлое демократическое будущее?

Давайте опять-таки отвлечемся от стереотипов и просто спокойно посмотрим на то, что происходило на территории Украины последние 23 года.

Для начала обратим внимание на то, что 23 года назад, когда Советский Союз распался, Украина была, пожалуй, в наилучшем положении из всех республик. Да, собственно, не «пожалуй», а действительно в наилучшем. Замечательное развитое народное хозяйство, оставленное Советским Союзом, прекрасный климат, высокообразованное население. При этом, на минутку, мы говорим о территории и количестве жителей, сравнимых с Германией. То есть это совсем не маленькое государство. Казалось бы, с такой форой на старте Украина должна была обогнать всех, причем значительно. И кроме того, у Украины были все необходимые для этого внутренние стимулы развития – потому что отсутствовало главное, как считают некоторые российские экономисты, проклятие нашей экономики – нефть и газ. Иными словами, Украина не могла сидеть на нефтегазовой игле. Она была высокоразвитым научным, промышленным и сельскохозяйственным кластером. Казалось бы, еще чуть-чуть усилий, мощный рывок – и все завидуют.

Однако все 23 года Украина в том или ином виде пыталась найти свою идентичность. Что сделать было крайне сложно – в частности, из-за того, что опыт государственности у нее ничтожен. Не собираюсь сейчас углубляться в историю, а всем, кого интересует опыт украинской государственности, рекомендую обратиться к произведениям небезызвестного Михаила Афанасьевича Булгакова. Я по-прежнему считаю его гением, хотя и понимаю, что на Украине эта позиция не слишком популярна. Правда, напрямую Булгакова запретить стесняются, но уже вполне легко запрещают экранизацию «Дней Турбиных». Потому что там он как раз написал о том, что такое украинское государство.

Главная проблема любой государственности – это когда она строится на отрицании, а не на развитии. Да, мы можем долго говорить про национальную идею Галичины, про то, что после распада Австро-Венгрии в одно целое были соединены самые разные территории, про то, что создателем Украинской Республики является Владимир Ильич Ленин. Можем говорить о злом Сталине, присоединившем кусок Польши, и долго будут плакать о потерянных землях венгры, поляки и румыны. Не об этом сейчас речь, а о том, что Украине так и не удалось создать четкую, понятную и прозрачную идентичность. Это не значит, что такая идентичность не сложится в будущем. Но пока вся она заключалась, в принципе, в одном: главное, чтоб не москаль. Кто угодно, лишь бы не москаль. Отсюда и большое количество анекдотов на эту тему.

Поначалу весь этот национализм выглядел абсолютно опереточным, напоминающим чем-то «Свадьбу в Малиновке», – с вышиванками, шароварами и совершенно шизофреническими закидами историков, которые родили теорию «великих укров», выкопавших Черное море. Если кому-то кажется, что я шучу, должен высказать свое глубокое неуважение: не поленитесь, поищите в Интернете, вы найдете целые учебники, посвященные истории Украины. В них, например, вы найдете сведения о великой Укро-Персидской войне (правда, не уверен, что кто-то еще из мировых историков о ней знает) или о противостоянии могучих древних укров и римлян. Эта тема тоже не могла не породить целую россыпь шуток, вроде такой: Ксеркса, покорителя вселенной, спросили, каково ему было столкнуться с самой мощной армией мира, и он ответил: «Не знаю, я еще не воевал с древними украми».

Однако если отрешиться от набора анекдотов, то выяснится, что, кроме анекдотов-то, ничего и нет. Потому что в любом другом случае история бесспорно великого украинского народа – который, правда, никогда так не назывался, были малороссами и неплохо себя чувствовали, – очень тесно связана с историей России. И когда вдруг возникает необходимость все фигуры со знаком минус превращать в фигуры со знаком плюс, когда необходимо материть Кочубея и славить Мазепу, возникает некий разрыв, захватывающий и более близкое к нам время. Невольно возникает вопрос: а кто же такие Бандера и Шухевич? И ведь это абсолютно работающий тест, к которому я перейду чуть позже... А пожалуй, с него и начну.

Когда бесконечная толпа завывающих об украинской демократии блогеров, твиттер-риан, политиков, журналистов и российских общественных деятелей клянет на чем свет стоит злую Россию, Путина, ватников и колорадов, я им всегда задаю один простой вопрос: «Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к Бандере и Шухевичу?»

И вот что интересно. Этот тест очень тяжело пройти. Когда я задал свой вопрос нескольким высокопоставленным деятелям из посольства Соединенных Штатов, они, обладая, к слову, великолепным русским языком и хорошим стилем, вдруг куда-то сразу делись. Просто не стали отвечать. Ну действительно, ну какая разница!

Кто похитрее – как, например, посол при ООН, – умудряются сказать, что в документах Нюрнбергского трибунала ничего про Бандеру нет. Ну да, конечно, ничего нет. Совсем ничего. Ни про Бандеру, ни про Шухевича.

Некоторые предлагают следующий ответ: «Для нас это просто исторические персонажи». Мол, что вы тут придумываете, какие такие Бандера и Шухевич?

А вот у меня отношение абсолютно личное и совершенно однозначное. И обусловлено оно тем, что на территории современной Украины шестеро членов моей семьи были похоронены заживо карателями. И для многих русских, украинцев, белорусов, евреев жива память Хатыни, жива память Львовского погрома и жива память нынешнего преступления – людей, сожженных заживо в Одессе. И с этим ничего не поделать. Этого никогда не забыть. Это данность.

Нельзя замалчивать преступления Бандеры и Шухевича. Их расовые идеи. Их искреннюю ненависть ко всему живому. По большому счету, они были врагами человечества. Жестокость бандеровцев во время польского погрома была такова, что сами немцы их останавливали, пораженные творящимися зверствами. Но надо отметить, что, когда понадобилось, западные спецслужбы ничтоже сумняшеся подобрали Бандеру и использовали его для работы против России. Что, кстати, во многом объясняет нынешнюю поддержку Украины, в частности, в Канаде и Соединенных Штатах. Задайте себе вопрос: а куда делось огромное количество бандеровцев, воевавших на стороне гитлеровской Германии? Ведь очень многие из них уехали и прекрасно себя чувствуют в Америке и Канаде, несмотря на то что были нацистскими преступниками. Их дети выросли, обросли связями, политическим влиянием. И их лобби гораздо сильнее и могущественнее, чем пророссийское. И для них историческая память о поражении в великой войне столь же болезненна, сколь и для детей бывших нацистов, воевавших на стороне Гитлера.

Мы наивно считаем, что Европа получила прививку против нацизма. Ничего подобного. Никакой прививки против нацизма Европа не получила, достаточно посмотреть на сегодняшний рост правых и нацистских настроений. Европа просто была вынуждена молчать и зачастую боялась показать свое настоящее лицо. К слову, многие забывают – или стесняются признать, – что нацизм родился и вырос именно в Европе. В цивилизованной, демократической, освободившейся из-под гнета монархии, давшей миру великую литературу, живопись, философию и музыку старушке Европе, казалось бы, настолько глубоко проникшейся гуманистическими ценностями, что уж чего-чего, а такого от нее ожидать было нельзя. Ну-ну.

И посмотрите, с какой радостью пытаются переписать историю не кто-нибудь, а внуки вчерашних поверженных нацистов. Посмотрите, как стесняется Дональд Туск своего деда, который, оказывается, в 1944-м записался в части СС. И, как свидетельствуют немецкие архивы, опубликованные Олегом Лурье, дедуля Туска занимался всего-то навсего поисками евреев. В концлагерях, правда. Конечно, сам Туск об этом умалчивает, но архивы все помнят. Нет, конечно, внук за деда не отвечает. Только врать-то зачем? Ну сказал бы: очень стыдно, что дедушка был такой. Наверное, кто-нибудь бы его понял.

Но когда недобитые нацисты радостно маршируют по улицам прибалтийских городов, когда они проходят по Киеву, притом без всякого осуждения со стороны недавних участников коалиции стран-победителей, никаких иллюзий оставаться не должно. Что политически сегодня выгодно Штатам, то дозволено, хорошо и демократично.

Украина вступила на путь возрождения нацизма 23 года назад. Тогда это казалось шуткой, но выяснилось, что, когда ты берешь антирусский курс, ты должен отрицать все – в том числе и победу в Великой Отечественной. Ты не можешь остановиться где-то посередине. И невольно ты начинаешь повторять слова приветственных писем от сторонников фашизма: «Здоровеньки булы, шановний пан Гитлер». Много есть забавных документов на эту тему, и все они не очень лестны. При этом 90 % украинского народа мужественно сражалось с фашизмом. И их наследникам 23 года промывали мозги, пытаюсь доказать, что на самом деле они не такие, что они – наследники Бандеры и Шухевича. Но, как показал опыт Донбасса, да и всей Новороссии, – не удалось. Страна раскололась надвое.

Так вот, 23 года назад на Украине, хорошо понимая, что идеи Бжезинского о развале Советского Союза должны реализовываться дальше, начался великий многомиллиардный проект по отрыву Украины от России и приведению ее якобы в европейское поле. А де-факто, как уже понятно, прикладывались колоссальные усилия для того, чтобы превратить Украину либо в страну – члена НАТО, либо в партнера за пределами НАТО. Главное – любой ценой вылепить из нее антирусское государство. Все дело в том, что Украина, по мнению Бжезинского, является ключом к имперской политике России – то есть он считает, что без Украины Россия не может быть империей.

Конечно, на этой поляне двигаться было легко. Во-первых, потому что шла традиционная для американцев работа по продвижению требуемого набора идей через структуры гражданского общества, через специально создаваемые организации, шла работа с целевыми аудиториями, подготовка журналистов, подготовка спецслужб. Фоном к этому шло уничтожение украинской армии как таковой – потому что уж слишком силен там был дух победителей. А это вредно, такого быть не должно. Именно поэтому украинская армия деградирует все больше и больше – что выглядит более чем странно, при том что украинский военно-промышленный комплекс не пошел по пути армии и не исчез с лица земли во многом благодаря заказам из России.

Все эти 23 года Россия бездействовала. Но, с другой стороны, как вы себе представляете возможность воздействия? Это же один в один ситуация с разведенными супругами. А как вы знаете, в такой ситуации, если вы люди взрослые и привыкли быть честными сами с собой, общение крайне затруднено. И все же крайне забавно и печально то, что произошло в самой Украине. За 23 года страна не просто деградировала, но и полностью потеряла элементы самостоятельности. В 1990-е годы в России правила семибанкирщина, сложился олигархический капитал, но то, что произошло на территории Украины, уму непостижимо. Уровень коррупции совершенно сумасшедший. Те же семьи, которым принадлежит вся экономика Украины, действуют и в политике. Они постоянно борются друг с другом, по очереди усаживая своих родственников и ставленников в депутатские, министерские и президентские кресла, ненавидят друг друга, потом договариваются друг с другом – и все время используют демократическую риторику.

Сначала боролись Янукович и Ющенко. Казалось бы, Ющенко был за демократов. Но когда он пришел к власти, то вместе с премьер-министром госпожой Тимошенко довел страну до такого состояния, что умудрился вылететь со своей должности, а Тимошенко оказалась в тюрьме. Но Янукович оказался ничуть не лучше. Его клан и его сын сделали все, чтобы уровень ненависти к нему превзошел даже уровень ненависти к Ющенко и Тимошенко. Но анекдот в том, что все произошедшее на Украине можно легко охарактеризовать недавним афоризмом: олигархи разворовали страну, после чего другие олигархи проспонсировали майдан, в результате которого они сбросили старых олигархов, пришли к власти сами, а теперь посылают нищих с запада Украины убивать других нищих на юго-востоке Украины в интересах победивших олигархов.

В 2004 году, во время первого майдана, украинцы гордились тем, что не пролилось ни капли крови. Интересно, помнят ли они сейчас о том, как были горды тогда?

Да, надо признать, что Россия полностью проиграла дипломатическую войну. И по объективным, и по субъективным причинам. Что Виктор Степанович Черномырдин, пусть земля ему будет пухом, что Михаил Зурабов занимались чем угодно, кроме продвижения российской политики за рубежом. Но дело в том, что такой политики и не было. Просто не было понимания того, что нужно делать. Казалось, что украинцы – все же братский народ. 23 года мы себя уговаривали и не видели нарастающих тенденций. А когда увидели, стало поздно.

К счастью, Россия не стала поддерживать Януковича, с какого-то момента четко осознав, что такой уровень коррупции поддерживать невозможно. Хотя и добивать мы его не стали – тоже ясно почему. Все упирается в то, как развивался майдан. Украинцам не хватило руководителя типа Ганди, который смог бы удержать движение в русле неиспользования грубой силы. В какой-то момент времени, к несчастью для украинцев, в протест влились хорошо организованные нацистские группы.

Конечно, сам факт, что одним из лидеров оказался Тягнибок, который еще не так давно публично заявлял: «Мы должны, как наши деды, брать оружие и убивать коммунистов, русских, евреев» (последние три слова я перевел, чтобы не было так обидно); сам факт, что «Партия свободы» вообще оказалась на майдане и получила такую поддержку, уже говорил о многом. Начнем с того, что это откровенно антисемитская и ксенофобская партия, к которой было приковано внимание в том числе и Евросоюза – благодаря тому, что во многом не без участия израильского публициста Авигдора Эскина группа депутатов кнессета написала письмо о деятельности этой партии и отправила в Европарламент. И Европарламент официально возмутился.

Что не помешало тому же Джону Маккейну, приехавшему с печенюшками поддержать американскую идею на майдане, жать руку откровенному антисемиту Тягнибоку, на что сенатору потом с большим негодованием указали его американско-еврейские спонсоры. Но это же не первый прокол Маккейна. Маккейн уже отличился тем, что в Сирии умудрился сфотографироваться с «добрыми» повстанцами – хотя теперь он утверждает, что это «фотожаба» и ничего такого не было. Но опровергнуть довольно сложно. И когда на фото были опознаны двое граждан, которые теперь являются лидерами ИГИЛ, то у Маккейна оказался довольно бледный вид. С другой стороны, у Маккейна уже после Вьетнама бледный вид, что не мешает ему по-прежнему вести себя довольно агрессивно.

Но даже Тягнибок кажется милой доброй шуткой по сравнению с «Правым сектором», Ярошем и людьми, которых они вызвали к жизни. Все они были на майдане, который Янукович побоялся разогнать с использованием методов, аналогичных методам разгона демонстраций в Европе или Соединенных Штатах. Здесь надо сделать маленькое замечание, чтобы стало понятно. Украинские спецслужбы в принципе ничтожны. Они не умеют ничего. Они не могут выполнить ни одной нормальной команды. Отношение украинских

властей к журналистам тоже хорошо известно. После отрезанной головы журналиста Гонгадзе, после всех бесконечных омерзительных историй, трагедий, воровства, крышевания и откровенного бандитизма, в которых были замешаны эти службы, доверия к ним никакого. Конечно, когда они по чьей-либо инициативе решают разогнать собравшихся на площади студентов, то разгоняют как умеют. Говоря проще – как идиоты. Непрофессионально, грубо, плохо. Хотя существенно менее жестко, чем те же американцы, и не используя те типы оружия, которые использовались, в частности, при разгоне в Фергюсоне. Я уж не беру случаи, когда американцы задействовали Национальную гвардию – как, например, в Лос-Анджелесе, о чем мы поговорим позднее.

Януковичу объяснили: еще хоть одна жертва – и его ждет Гаага. Объяснили, конечно, западные коллеги. Дальнейшие его действия выглядят уже совершенной карикатурой: Янукович всего боится, Янукович сдает все позиции, Янукович готов уже на все. В дело вступает «Правый сектор», за которым стоит олигарх Коломойский – еврей, что его ни в коей мере не останавливает и показывает его качества как еврея. Авигдор Эскин в этой связи остроумно заметил: «Дайте же нам, евреям, право не только на наш мозг, но и на наше дерьмо. Вот наше дерьмо – это Коломойский».

Коломойский борется за перехват инициативы. Основной майдан спонсировался Порошенко, и Коломойскому было необходимо это взорвать. Дело в том, что уровень неприязни между Ахметовым, Коломойским и Порошенко по сути и определяет всю интригу Украины, начиная с последнего майдана и до сегодняшнего дня. Именно поэтому считается, что за первыми ополченцами в том или ином виде стояли деньги Ахметова, за «Правым сектором» и его батальонами стоит Коломойский, ну а Порошенко пошел по другому пути и избрался президентом, наивно надеясь, что получит всю власть – хотя эта власть очень сильно ограничена Радой и деятельностью Яценюка, которого дергают за нити совсем другие люди из очень белого дома.

Дальше события развивались по пути откровенной радикализации. При этом «Беркут» стоял безоружный, бойцов закидывали бутылками с зажигательной смесью, их отлавливали, избивали, их семьям угрожали. Все уже забыли – но ведь какое количество смертей было на майдане! Притом убивали – кого? Двинулись маршем, ворвались в офис «Партии регионов», ни за что ни про что убили несчастного техника, который вышел сказать: «Зачем вы поджигаете здание, там женщины, они погибнут!» Еще одного человека закидали бутылками с зажигательной смесью в подвале. За эти преступления кто-нибудь ответил? Нет. Никто ни за что не отвечал. Потом стали громить склады оружия, стали унижать правоохранителей, большое количество оружия всплыло в рядах «Правого сектора», туда потянулись нацисты со всего мира: норвежцы, датчане, кого только не было, – любой сброд, включая и российский. Но об этом уже стали забывать.

Говорят, что Путин во время телефонной беседы с Януковичем настоятельно просил, требовал, буквально запретил использовать войска, чтобы не допустить кровопролития. Поэтому Путин, если угодно, невольно чувствовал себя обязанным. Он же попросил Януковича, значит, де-факто взял на себя ответственность, по крайней мере за его безопасность. И когда в ночь с 21 на 22 февраля было заключено соглашение, под которым поставили свои подписи министры иностранных дел крупнейших европейских держав, а с российской стороны присутствовал, хотя и не подписывал, господин Лукин, оппозиция получила все что хотела. Янукович увел войска, выполнил все, что от него требовалось. Но, как вы помните, тогда на майдан вышел «Правый сектор» и заявил: «А мы не согласны».

Может быть, Ярош рассчитывал на то, что получит денежный куш. Может быть, он ждал команды. Может быть, Коломойский приказал ему не соглашаться, чтобы взорвать ситуацию. Потому что было совершенно очевидно, что Янукович пойдет на все. Янукович уже подписал и согласие на скорые выборы. Собственно говоря, он уже был на свалке исто-

рии. Еще чуть-чуть, и он согласился бы на вхождение в любые союзы, соглашения и ассоциации, куда угодно. Он был абсолютно деморализован и, по большому счету, в этот момент подписал себе приговор, превратившись в политический труп. Но зачем-то понадобился его настоящий труп. И вот «Правый сектор» на майдане говорит: «Нет, мы это не признаем», — и его боевики идут громить правительственный квартал, где уже нет войск, которые могли бы защитить людей. То есть они идут тупо убивать Януковича.

Думаю, ни у кого не возникает ни малейшего сомнения в том, что Янукович — не Альенде. Он не был готов умереть с автоматом Калашникова в руках и в каске на голове. Ни в коем случае. Это всего лишь изнеженное создание, производящее впечатление мужчины, но в критические моменты отнюдь, вежливо говоря, таким себя не показывающее. Янукович предпочел самый простой вариант: не приходя в сознание, пустился в бег.

Все остальное могло бы послужить темой какого-нибудь бесконечного романа, который у меня нет ни сил, ни желания писать. Я не специалист по разным стадиям алкогольного опьянения, а ряд действий этого человека не чем иным, как гигантскими возлияниями спиртного, я не могу объяснить. Так или иначе, Янукович потом изредка всплывал на фантастических пресс-конференциях, выходя на них совершенно не подготовленным и откровенно слабым, и говорил какие-то вещи, которые даже цитировать бессмысленно. При этом создал уникальную ситуацию абсолютной нелегитимности всего, что в дальнейшем стало происходить на Украине.

На майдане было много людей. Наверное, очень много. И очень разных людей. Но выигрывает не тот, у кого больше избирателей, а тот, у кого больше активистов, готовых на все. Именно они в конечном итоге определяют исход ситуации.

В ночь с 21 на 22 февраля 2014 года люди, собравшиеся на майдане, уже ничего не решали. Решали активисты, которые готовы были идти убивать Януковича.

Да, Янукович оказался слаб. Да, своим бегством он создал неудобства для всех. Мертвый или подавший прошение об отставке Янукович обеспечил бы мягкий переход власти. Мало того, если бы историю можно было отмотать назад! Так, чисто умозрительно, давайте себе представим — а что было бы, если бы соглашения 21 февраля были выполнены? Элементарно. До сих пор Крым находился бы не в родной гавани, и никакой проблемы Новороссии не существовало бы. Все было бы тихо и законно. Порошенко все равно был бы президентом. Яценюк — премьер-министром. Напомню, что Янукович предлагал ему этот пост — но тогда Яценюк гордо отказался. И даже Кличко, несмотря на его фантастические филологические способности, так и стал бы мэром Киева.

Но — не случилось.

Я думаю, именно с этого момента стало ясно, что России придется в том или ином виде вмешаться. В первую очередь потому, что Путина обманули лично. Ведь очевидно, что западные страны просили Путина в том или ином виде повлиять на Януковича, для того чтобы тот не вводил войска. Действительно, известно — об этом и сам Путин прямо говорил, и польская сторона это подтверждает, — что именно благодаря вмешательству российского президента не была официально пролита кровь на майдане. Мало того, все разговоры о неких абстрактных снайперах, которых очень много обсуждали, ничем не завершились. Согласитесь, странно, когда сторона победившая проводит расследование и не может найти доказательств, что сторона проигравшая использовала снайперов. Сразу возникает базовое недоверие ко всему, что говорит эта победившая сторона.

Но сейчас об этом предпочитают не вспоминать. Хотя по качеству, с которым работали эти так называемые снайперы, очевидно, что были они неумехами; и я не удивлюсь, если окажется, что за ними стоит «Правый сектор» и Коломойский. Последний, естественно, как финансист — ясно, что сам он курок не нажимал. Почему именно «Правый сектор» в том или ином виде? Да потому что у него, по крайней мере, были и есть сейчас радикально

настроенные и неплохо вооруженные бойцы, готовые пойти на все ради выполнения приказа и относящиеся к остальным манифестантам всего лишь как к человеческому мясу, не более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.